

Видение Сибири

Пьер Гамарра — французский писатель, автор многих романов, стихотворных сборников и книг — репортажей о странах и дорогах, куда забрасывал его непоседливый дух литератора, — хорошо известен в нашей стране. Скоро мы узнаем его и как драматурга. Сейчас в столичном театре им. Моссовета готовится и постановка его пьесы «Король-фанфарон». А совсем недавно писатель закончил большую книгу — результат его посещения Советского Союза: «Бюрлеретта в Сибири».

Сегодня мы печатаем статью Пьера Гамарры, присланную для «Советской России».

ЖА МОЕМ столе поселился серый камешек. Друзья уже не спрашивают, где ты подобрал этот голыш. Все, кто бывает в моем доме, знают его историю. Он прилетел в Париж со дна Ангары. Я подобрал его у внутренней стены подводной станции. Там, где я стоял, что-то напекли турбины, а надо мной была Ангара. Турбины были молоды, и все, что рассказывали они, знали, наверное, люди. А вот этот серый камешек — свидетель столетних веков и эпох — мог бы рассказать неведомое нам. Но камни молчаливы, они могут только подсказывать. Мой сибирский сувенир, когда мы остаемся одни, напоминает мне о реке и человеке, укритившем ее.

Когда я объявил своим друзьям, что еду в Сибирь, — это было летом, — одни мне сказали: тебе не будет там жарко. Другие утверждали, что я проведу сомнительный отпуск. Ведь француз еще черпает свои знания об этих огромных пространствах России в старом романе Жюль Верна «Необыкновенное путешествие от Москвы до Иркутска, или Михаил Строгов».

Представляете мое приятное удивление, когда через несколько часов после расставания с аэродромом Бурже — в Париже тогда был полдень, в Москве два часа дня, а в Иркутске семь часов вечера — я встретил здесь, на берегу Ангары, группу француз. Скромные парижские туристы, они решили повидать Сибирь и Монголию. О Жюль Верн! География стремительно покорилась их желанию в агентстве «Эр-Франс», где они перечеркнули расстояние и время в течение той минуты, когда получали билет от Парижа до Улан-Батора. И все-таки удивление не оставляло нас.

— Вы действительно француз? — спрашивают меня мои соотечественники.

— Честное слово.

— Как это интересно! — говорят они.

Мы с любопытством разглядываем друг друга. На улице Сен-Лазар в Париже мы бы это-

го не делали, каждый прошел бы, не обратив внимания друг на друга. Но здесь, в Сибири, в Иркутске, где мы открываем неведомое, невольно все нас занимает, удивляет и сближает. Мы расстаемся друзьями, хотя пути наши расходятся: они летят в Монголию, я в Братск.

Этот короткий бросок в маленьком самолете над тайгой — недолгая воздушная прогулка. Недолгая — применительно только здесь, на гигантских просторах. В сиянии летнего сибирского неба простираются без края красные и коричневые сосны, величественные лиственницы, березы, нежную листву которых мы почти ощущаем, — так низко плывет над тайгой наш самолет. И Ангара — могучая дочь гиганта Байкала — в изумрудных излучинах. Дороги, как легкие царяпины на теле земли.

Бесконечность. Вот слово, которое хочется повторять, когда глядишь и не видишь конца — ни реке, ни тайге. Я слышал, как сибиряки нередко повторяют: сто километров — не расстояние, сто градусов ниже нуля — это не самый страшный мороз и сто лет — это еще не конец жизни. Две трети этой шутки соседствуют с истиной. Я видел почти столетних стариков. Я сумел убедиться, что путь в сто километров никто не считает здесь дальним. Пробыв не так уж долго в этих краях, я услышал о только что раскрытых фантастических кладках, только вчера ударивших фонтанах нефти и газа.

Я вспоминаю в Сибири встречу с одним юношей. Он приехал на каникулы навестить родителей. Его отец — водитель грузовика. Сын — студент, учится в Ленинграде. Избрал себе профессию инженера-механика. Мы сидим на берегу Байкала в новом бревенчатом доме его родителей. Здесь еще пахнет смолой, примешивается запах свежего меда. Отец возит грузы для строек. Зимой это сложнее — он пересекает замерзшее озеро, где часто и неожиданно появляются расщелины, — даже в самые сильные морозы. И все-таки, помня его спокойный рассказ о

том, как все это якобы просто, я думаю в Париже: как он там сейчас, на этом загадочном Байкале. Когда у нас только начинается день, он уже заканчивает свои рейсы. Я знаю, что новый дом построен им не зря, и водитель «МАЗа» и его жена ждут скоро сына — теперь уже не на каникулы, а «насовсем».

Я представляю себе Байкал сибирской Ривьерой, где гостеприимные берега будут принимать тысячи туристов, охотников, друзей леса, людей многих стран, влюбленных в природу. Сибирь, увиденная глазами Мишеля Строгова, героя романа Жюль Верна, давно стала достоянием прошлого, свидетельством ушедшего века. И когда я попросил моих сибирских друзей оставить хотя бы для памяти об этом прошлом несколько древних изб с узорчатými наличниками на окнах, они улынулись и показали мне планы кварталов новых городов.

Меня спрашивают в Париже: какие сибирские стройки я видел? Я отвечаю, что видел одну непрерывную стройку — Сибирь.

Говорят, что Советский Союз — это страна, которая непрерывно обновляет свой дом. Здесь, в Братске, это впечатление в десять, в сто раз усиливается.

— Какая самая большая трудность была, когда вы приехали? — спрашивал я строителей, которые давно уже стали жителями Братска.

Они пожимали плечами и улыбались.

— Зима? — спрашивал я. — Мороз?

— Нет! — говорили они. — К этому привыкаешь.

— Что же? — допытывался я. Они переглядывались.

— Честное слово, забыли. Ведь это было давно — год назад.

Они искренне верят, что год назад это давно. Ведь так много можно сделать за год.

Раскрыты настежь окна, воздух тайги врывается в дома, и всюду в этом городе, где средний возраст жителей, как мне рассказывали, не превышает и двадцати пяти лет, пахнет близостью леса, природы.

В Париже я часто вспоминаю многих друзей-сибиряков. Камешек, смыйтый Ангарой, лежащий на моем столе, не дает мне забыть их.

Пьер ГАМАРРА.